

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданина Эйвазова Александра Хикметовича

город Санкт-Петербург

23 октября 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.Х.Эйвазова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданин А.Х.Эйвазов оспаривает конституционность статьи 33 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которая определяет условия раздельного размещения в камерах подозреваемых и обвиняемых, имеющих разного рода характеризующие их признаки и особенности, и устанавливает императивные требования к раздельному содержанию или содержанию отдельно от других подозреваемых и обвиняемых ряда таких категорий.

Из представленных материалов следует, что заявитель, ранее являвшийся секретарем судебного заседания районного суда общей юрисдикции, был задержан по подозрению в совершении преступления, в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Приговором суда он признан виновным в совершении вменяемого ему преступления, однако суд апелляционной инстанции приговор отменил, а А.Х.Эйвазова оправдал.

А.Х.Эйвазов, полагая, в частности, что он как бывший работник суда должен был содержаться не в общей камере, а в той, которая предназначена для содержания лиц, связанных по роду деятельности с судебной системой и правоохранительной деятельностью, обратился в суд с административным иском о взыскании компенсации за нарушение условий содержания под стражей. Решением Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 20 апреля 2021 года данное заявление удовлетворено частично. Отвергая довод заявителя, суд мотивировал решение тем, что статья 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в частности абзац седьмой пункта 2 ее части второй, устанавливающий, что при размещении подозреваемых и

обвиняемых, а также осужденных в камерах отдельно от других подозреваемых и обвиняемых содержатся лица, являющиеся или являвшиеся судьями, адвокатами, сотрудниками правоохранительных органов, налоговой инспекции, таможенных органов, органов принудительного исполнения Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, военнослужащими внутренних войск федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации, не предусматривает такого требования к содержанию той категории лиц, к которой относится заявитель. С этим согласились вышестоящие суды (апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20 января 2022 года, кассационное определение судебной коллегии по административным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2022 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2024 года).

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение противоречит статьям 2, 18, 19, 21, 46, 49 и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет содержать бывших работников судебных органов, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в общих камерах, что нарушает право на личную безопасность таких лиц.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является статья 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в той мере, в которой на ее основании решается вопрос о размещении в камерах работников аппаратов судов, включая бывших, при содержании их под стражей.

2. Согласно Конституции Российской Федерации неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность относится к числу основных прав человека, является воплощением достоинства личности как одного из наиболее значимых социальных благ и как условия, без которого немислимо демократическое правовое устройство общества и государства; государством охраняется достоинство личности, ничто не может быть основанием для его умаления, никто не должен подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (статьи 17, 21 и 22). При этом Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что гарантии права на свободу и личную неприкосновенность должны распространяться на любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, в том числе на принудительные меры, обеспечивающие производство по делу, дабы не оказалось затронутым само существо данного права, а человек не превращался в объект государственной деятельности (постановления от 23 мая 2017 года № 14-П, от 22 марта 2018 года № 12-П, от 9 июля 2024 года № 36-П и др.).

Как следует из статей 55 (часть 3) и 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации, законодатель вправе предусмотреть содержание под стражей в качестве меры пресечения, имеющей целью воспрепятствовать возможности лица скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным способом препятствовать производству по уголовному делу, путем непосредственного ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, а также определять места и режим содержания под стражей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 22 декабря 2015 года № 34-П, от 28 декабря 2020 года № 50-П, от 15 марта 2023 года № 8-П, от 22 мая 2023 года № 25-П и др.).

Обладая широкой дискрецией в регулировании вопросов назначения и реализации содержания под стражей как наиболее строгой меры пресечения, федеральный законодатель вместе с тем обязан соблюдать вытекающие из Конституции Российской Федерации принципы и предписания, из чего следует, в частности, необходимость дифференцированного и при этом недискриминационного подхода к установлению в действующем правовом регулировании условий содержания под стражей, которые должны обеспечивать указанные цели применения этой меры пресечения, отвечать требованиям безопасности, исключать жестокое или унижающее – и умаляющее тем самым достоинство личности – обращение с содержащимися под стражей, в том числе со стороны иных содержащихся под стражей.

Конституционный Суд Российской Федерации также отмечал, что лица, к которым применена названная мера пресечения, обладают крайне ограниченными возможностями самостоятельно заботиться о своем здоровье и безопасности, а их права гарантируются возложением на государство публично-правовой обязанности заботиться о жизни и здоровье заключенных (постановления от 19 апреля 2022 года № 16-П, от 9 июля 2024 года № 36-П и др.; определения от 3 июля 2014 года № 1484-О и № 1485-О, от 27 декабря 2023 года № 3304-О и др.). В равной мере охрана жизни и здоровья содержащихся под стражей обеспечивает реализацию публичных целей осуществления дознания, предварительного следствия и правосудия исходя, в частности, из того, что психологическое и физическое состояние лиц, содержащихся под стражей, объективно влияет на их способность надлежащим образом участвовать в следственных действиях, давать показания и иным образом принимать участие в расследовании преступления и рассмотрении судом уголовного дела.

3. С учетом приведенных конституционных положений Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», определяющий порядок и условия содержания под стражей при исполнении данной меры пресечения, направлен на выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом

Российской Федерации, и одновременно преследует цель обеспечения личной безопасности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей (статьи 1, 3 и 4, пункт 2 части первой статьи 17 и статья 19), закрепляя в том числе требования к размещению таких лиц в общих или одиночных камерах, совместно или отдельно (статьи 32 и 33). Эти требования конкретизируются пунктами 252–263 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утверждены приказом Минюста России от 4 июля 2022 года № 110). Указанное правовое регулирование, как ранее отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, корреспондирует положениям международных правовых актов, регламентирующих права заключенных, в частности Минимальным стандартным правилам ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятым 17 декабря 2015 года Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН, согласно которым различные категории заключенных содержатся в отдельных учреждениях или в разных частях одного и того же учреждения, с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного вида режима (правило 11) (определения от 19 декабря 2017 года № 2882-О и от 30 ноября 2023 года № 3258-О).

В качестве общего правила содержания под стражей федеральный законодатель установил, что при возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого либо угрозы совершения преступления против личности со стороны других подозреваемых или обвиняемых сотрудники мест содержания под стражей обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности подозреваемого или обвиняемого; по решению администрации места содержания под стражей либо по письменному решению лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, подозреваемые и обвиняемые, жизни и здоровью которых угрожает опасность со стороны других подозреваемых и обвиняемых, содержатся отдельно от других подозреваемых и обвиняемых (статья 19 и абзац восьмой пункта 2 части второй статьи 33 Федерального

закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»). В силу подпункта 256.2 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы необходимость обеспечения безопасности жизни и здоровья подозреваемого, обвиняемого или осужденного к лишению свободы либо других подозреваемых, обвиняемых и осужденных к лишению свободы является основанием для перевода подозреваемых, обвиняемых и осужденных к лишению свободы из одной камеры в другую.

Вместе с тем законодателем также установлен ряд случаев, в которых высокая потенциальная угроза жизни и здоровью либо угроза совершения преступления против личности подозреваемого или обвиняемого, исходящая со стороны других подозреваемых и обвиняемых, содержащихся с ним, либо же, напротив, исходящая уже непосредственно от самого подозреваемого или обвиняемого угроза для других содержащихся с ним лиц предполагает, что защита от возможных негативных последствий реализации соответствующей угрозы не должна быть поставлена в зависимость от усмотрения и оценки конкретной ситуации администрацией места содержания под стражей либо лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

Так, перечисляя в абзаце третьем пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» ряд тяжких и особо тяжких преступлений, большинство из которых носит насильственный характер и посягает на жизнь и здоровье человека, законодатель обоснованно исходил из вероятности наступления высокого риска того, что лица, подозреваемые или обвиняемые в их совершении, могут в силу предполагаемых особенностей их личности причинить вред жизни и здоровью других подозреваемых и обвиняемых. С учетом преимущественно схожих опасений абзацем четвертым пункта 2 части второй названной статьи установлено требование отдельного содержания подозреваемых и обвиняемых при особо опасном рецидиве преступлений.

В абзаце же седьмом пункта 2 части второй этой статьи законодатель перечислил ряд лиц, настоящая (хотя и приостановленная в связи с уголовным преследованием) или прошлая профессиональная деятельность которых, как связанная с охраной правопорядка или осуществлением правосудия, обуславливает необходимость их размещения в камерах отдельно от других находящихся под стражей подозреваемых и обвиняемых. Тем самым этим законоположением в отношении данной категории лиц учитывается потенциальная угроза быть подвергнутыми жестокому или унижающему обращению со стороны других подозреваемых и обвиняемых, которая может быть обусловлена не только возможной мстью за предшествующее противодействие непосредственно им при исполнении служебных обязанностей, но и лишенным персонализированной неприязни негативным отношением к правоохранительной и судебной системам в целом. Последнее, по существу, предопределяет такую степень психологической несовместимости лиц, перечисленных в названной норме, с иными находящимися под стражей лицами, по крайней мере с кем-то из них, которая дает основание – притом что по общему правилу психологическая совместимость лишь учитывается (часть первая статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений») – установить императивное предписание об отдельном размещении.

4. Положения части третьей статьи 80 УИК Российской Федерации, предусматривающие, что осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов содержатся в отдельных исправительных учреждениях, обусловлены прошлой профессиональной деятельностью этих лиц и направлены на обеспечение личной безопасности названной категории осужденных, а также на обеспечение безопасности других лиц, отбывающих наказание (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 года № 1141-О-О). Такое правовое регулирование по основаниям и целям (особенно применительно к обеспечению безопасности, предотвращению угрозы жизни и здоровью) схоже с требованием,

установленным в абзаце седьмом пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», об отдельном содержании перечисленных в нем лиц.

Вместе с тем содержание части третьей статьи 80 УИК Российской Федерации и абзаца седьмого пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» не является идентичным: если в первом случае законодателем использованы широкие понятия «работники судов» и «работники правоохранительных органов», то во втором случае он выбрал иной юридико-технический подход к формулированию законоположения, перечислив конкретные профессиональные статусы (судьи, адвокаты) и сделав указание на место несения службы соответствующими лицами (налоговая инспекция, таможенные органы, органы принудительного исполнения Российской Федерации и др.).

Применительно к работникам аппаратов судов, в том числе бывшим, различное понятийное наполнение названных законоположений приводит к тому, что осужденные – бывшие работники аппаратов судов отбывают наказание в отдельных исправительных учреждениях, тогда как подозреваемые и обвиняемые, обладающие тем же профессиональным признаком, при их заключении под стражу содержатся в камере, по общему правилу, совместно с иными подозреваемыми и обвиняемыми.

При этом статья 13 УИК Российской Федерации устанавливает, что осужденные имеют право на личную безопасность (часть первая); при возникновении угрозы личной безопасности осужденного он вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности; в этом случае указанное должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного (часть вторая); начальник учреждения, исполняющего указанные в части второй

данной статьи виды наказаний, по заявлению осужденного либо по собственной инициативе принимает решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного (часть третья).

Таким образом, закрепленное и в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации правовое регулирование предусматривает сочетание установления специальных императивных требований к отдельному содержанию определенных категорий лиц (в том числе обусловленных их профессиональной деятельностью до помещения в соответствующее учреждение) с наличием положений (применение которых связано с усмотрением администрации соответствующих учреждений) об отдельном содержании соответственно подозреваемых, обвиняемых и осужденных, жизни, здоровью и личной неприкосновенности которых угрожает опасность со стороны других подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

При этом к работникам аппаратов судов, в том числе бывшим, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в отличие от отбывающих лишение свободы бывших работников аппаратов судов, предусмотрено применение только тех положений, которые связывают принятие необходимых мер при размещении в камерах лиц этой категории с оценкой администрацией места содержания под стражей наличия угрозы для них. Во всяком случае при применении данных положений отсутствуют нормативные гарантии разрешения ситуации посредством перевода работника аппарата суда, в том числе бывшего, в камеру, предназначенную для содержания лиц, связанных по роду деятельности с судебной системой и правоохранительной деятельностью, а не в другую общую камеру, где также велика вероятность возникновения обусловленной профессиональной деятельностью лица психологической несовместимости, влекущей угрозу жизни, здоровью и личной неприкосновенности.

5. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципа юридического равенства вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом. Соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (постановления от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 19 марта 2010 года № 7-П и др.). Тем самым следование принципу равенства хотя и не исключает возможности установления различных условий для различных категорий субъектов права, но предполагает, что такие различия не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов (Постановление от 27 апреля 2001 года № 7-П и Определение от 14 декабря 2004 года № 451-О).

Таким образом, определяющее значение для оценки конституционности оспариваемого законоположения имеет установление того, находятся ли – применительно к предмету его регулирования – работники аппаратов судов, в том числе бывшие, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в одинаковой или сходной ситуации как с бывшими работниками аппаратов судов, отбывающими наказание в виде лишения свободы, так и с теми лицами, для которых по профессиональным признакам предусмотрено отдельное содержание под стражей, и, соответственно, не являются ли различия в решении этого вопроса в отношении указанных категорий лиц произвольными.

5.1. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации имеют различное предназначение. Согласно

статье 3 названного Федерального закона содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых осуществляется в целях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Такими целями служат недопущение сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда, предотвращение возможного продолжения преступной деятельности, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу, а также обеспечение исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 УПК Российской Федерации (части первая и вторая статьи 97 этого Кодекса). Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (часть первая статьи 1 УИК Российской Федерации).

С учетом изложенного соответствующие положения Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации не предполагают идентичности (полного совпадения) в части условий и режима содержания под стражей и отбывания наказания. Однако само по себе объективное различие целей и механизмов мер пресечения на досудебных и судебных стадиях рассмотрения уголовного дела, с одной стороны, и процесса исполнения наказаний – с другой, не может служить в рассматриваемом случае конституционно приемлемым с точки зрения общеправового принципа равенства критерием дифференциации мер защиты подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

5.2. В России суд, а не иной орган государственной власти, осуществляет правосудие (статья 118, часть 1, Конституции Российской Федерации), и тем самым, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, именно он имеет исключительное полномочие принимать окончательные решения в споре о праве и в вопросе законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений (постановления от 28

ноября 1996 года № 19-П, от 17 марта 2009 года № 5-П, от 15 декабря 2022 года № 55-П и др.), а также выносить ряд иных значимых для подозреваемых, обвиняемых решений, в том числе таких, которые исходя из своего содержания в результате их субъективного восприятия подозреваемыми, обвиняемыми могут сформировать у них негативное отношение к судебной системе в целом и к лицам, обеспечивавшим деятельность судов (в том числе и к тем, кто не имел отношения к вынесению именно этих решений).

То обстоятельство, что отдельно содержатся осужденные, приговоры в отношении которых вступили в законную силу (абзац пятый пункта 1 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений») и которые – с учетом обвинительного характера этих приговоров – могут иметь наиболее высокий уровень неприязни ко всему, что связано с судебной и правоохранительной системами, не является в этом смысле надежной гарантией, так как соответствующее отношение может сформироваться и сразу после вынесения приговора, притом что в период до его вступления в законную силу изменение размещения в камерах этих лиц нормативно не предписано.

К тому же и в период предварительного расследования и судебного следствия суд может принимать решения, ограничивающие права подозреваемых, обвиняемых. Так, основанием содержания под стражей является постановление судьи. С учетом этого неразрывная и явно осознаваемая связь между фактом пребывания подозреваемых и обвиняемых в местах содержания под стражей и принятием судом соответствующего решения уже сама по себе может служить причиной возникновения у названных лиц неприязни к лицам, связанным с судебной системой, причем не только к судьям, но и к работникам аппаратов судов, безотносительно к тому, какую сферу судебной деятельности эти работники обеспечивали, равно как и к тому, прекратили ли они эту профессиональную деятельность только в связи с уголовным преследованием или ранее.

С учетом сказанного вероятность возникновения и проявления негативного отношения – вплоть до угрозы причинения вреда жизни и здоровью – к работникам аппаратов судов, в том числе бывшим, в специфических условиях содержания под стражей сопоставима с таковой на стадии исполнения приговора, притом что только в последнем случае нормативно предписывается содержать соответствующих лиц отдельно. Отмеченные риски также сходны с теми, которые возникали бы в отношении лиц, для которых по профессиональному признаку отдельное содержание в местах содержания под стражей законодательно предусмотрено, что неоправданно ухудшает положение работников аппаратов судов, включая бывших, которым таковое не обеспечивается, и в сравнении с ними. Соответственно, в силу конституционного принципа равенства работникам аппаратов судов, в том числе бывшим, в местах содержания под стражей должны обеспечиваться такие же гарантии отдельного содержания.

Хотя реализация соответствующей угрозы носит лишь вероятностный характер, а безопасность в местах содержания под стражей обеспечивается также мерами охраны и надзора, сам факт совместного содержания лица, являющегося или являвшегося работником аппарата суда, с иными подозреваемыми, обвиняемыми может вызывать у него обоснованные опасения за свою безопасность, если другим содержащимся под стражей в той же камере подозреваемым и обвиняемым станет известно об этой его профессиональной деятельности, погрузить его в тревожное психоэмоциональное состояние ожидания неблагоприятных событий в совокупности с пониманием того, что судьи и работники правоохранительных органов, в отличие от него, от такой опасности в существенной степени избавлены. Такое положение работника аппарата суда, в том числе бывшего, при содержании под стражей может рассматриваться и как умаление его достоинства.

Даже если предположить, что обособленное содержание лиц, указанных в абзаце седьмом пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений», обусловлено также задачей исключить злонамеренное использование ими своих профессиональных знаний и умений для оказания содействия другим содержащимся под стражей подозреваемым и обвиняемым с целью противодействия расследованию и рассмотрению возбужденных в отношении них дел и тем самым – раскрытию преступлений, а также для формирования у них искаженных представлений об их правах вопреки необходимости гарантировать в месте содержания под стражей режим, обеспечивающий выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, нет оснований исключать, что знания и умения действующих или бывших работников аппаратов судов могут быть в указанном аспекте сопоставимы.

6. Таким образом, статья 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», как не предусматривающая необходимости отдельного содержания под стражей в качестве подозреваемых или обвиняемых работников аппаратов судов, в том числе бывших, нарушает общеправовой принцип равенства (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), предполагающий в том числе равное обращение с субъектами права, которые находятся в сходной ситуации, чем ставит названных лиц в менее защищенное положение в сравнении, с одной стороны, с отбывающими наказание в виде лишения свободы осужденными из этой же категории, а с другой – с лицами, перечисленными в абзаце седьмом пункта 2 части второй этой статьи, в отсутствие объективных и соответствующих предписаниям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации оснований. Это, в свою очередь, создает угрозу их безопасности и неприкосновенности со стороны других находящихся под стражей подозреваемых и обвиняемых, ведет к умалению достоинства личности, снижает гарантии государственной защиты их прав и свобод в особых условиях содержания под стражей, а потому вступает в противоречие и с требованиями статей 21, 22 (часть 1) и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения. При этом, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации полагает необходимым установить, что до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления работникам аппаратов судов, в том числе бывшим, обеспечивается содержание под стражей в соответствии с требованиями абзаца седьмого пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

При этом Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что в системе действующего правового регулирования формулировка части третьей статьи 80 УИК Российской Федерации «бывшие работники судов», охватывающая по смыслу и бывших судей, и бывших работников аппаратов судов, позволяет определять и лиц, относящихся к последним, для целей отдельного содержания, а к тому же может быть распространена по аналогии закона в соответствующей части на лиц, еще сохраняющих статус работника аппарата суда.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» не

соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 21, 22 (часть 1), 45 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой она не включает в число лиц, в отношении которых предусматривается отдельное от других подозреваемых и обвиняемых содержание под стражей в связи с их профессиональной деятельностью, в том числе ранее осуществлявшейся, работников аппаратов судов, включая бывших.

2. Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления работникам аппаратов судов, в том числе бывшим, обеспечивается содержание под стражей в соответствии с требованиями абзаца седьмого пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

3. Правоприменительные решения по делу с участием гражданина Эйвазова Александра Хикметовича о взыскании компенсации за нарушение условий содержания под стражей, вынесенные на основании статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 35-П

Конституционный Суд
Российской Федерации